

Ю.Л. Оболенская

Цыгане в Испании – лингвистическая и культурная экспансия

Аннотация: В статье исследуется влияние цыганского языка в частности и цыганской культуры в целом на язык и культуру Испании. Особое внимание автор уделяет проблеме лингвистической экспансии, но кроме того делится интересной информацией о самобытном феномене андалузской культуры – фламенко.

Ключевые слова: смешение рас и культур на Пиренейском полуострове, история появления цыган в Европе, цыганская культура и язык и их специфика, искусство фламенко

Abstract: The article examines the impact of the Romani language in particular and the Roma culture as a whole on the language and culture of Spain. Particular attention is paid to the problem of linguistic expansion, but also introduces interesting information about the original phenomenon of Andalusian culture – flamenco.

Key words: mixing of races and cultures at the Iberian Peninsula, the history of the emergence of the Roma in Europe, Roma culture and language and their specificity, the art of flamenco

Пиренейский полуостров на протяжении тысячелетий не раз оказывался конечным пунктом военного похода и целью завоевателей, его порты связывали торговые пути стран Средиземноморья и Европы, а затем Старого и Нового Света. Иберийский мир стал культурным мостом, связывающим в эпоху Средневековья европейскую и восточные цивилизации. Формирование кельтиберийского этноса как лингвокультурной общности на полуострове, начавшееся с VII–VIII вв. до н. э., происходило на фоне сменяющих друг друга экспансий финикийцев, греков, римлян, вандалов, вестготов и арабов. Новые этносы, осваивая благодатные земли, называли их своими именами и приносили сюда новую цивилизационную модель. Однако погружение в чужой иберийский мир приводило к парадоксальному результату: завоеванная колония, в свою очередь, осваивала очередного колонизатора и оставляла заметный след в культуре метрополии. Так, Римская империя обогатилась не только иберийским зерном, золотом и серебром, но и была прославлена деяниями выдающихся императоров, родившихся на юге Пиренейского полуострова, – Траяна, Адриана и Феодосия.

Трудно переоценить вклад в мировую культуру философии стоицизма и школы риторики земляка этих императоров – Сенеки-старшего; античное искусство обогатилось творениями рожденных на испанских землях Сенеки-младшего, Марциала, Лукана и Квинтилиана.

Вестготы за Пиренеями приобщились к благам цивилизации и культуры, достигнутым местными жителями при римлянах, и тоже стали другими. Вестготское владычество здесь длилось три века (410–711 гг.), и в это время завершилась католизация Испании, было достигнуто объединение страны и создана передовая избирательная система королевской власти. Созданная вестготскими правителями модель парламентарной власти, осуществляемая через *concillos* (соборы), к тому времени была неведома Европе.

А самая длительная экспансия арабского Востока (711–1492 гг.) привела к феноменальной кульминации развития мусульманской культуры – тому, что историографы называют эпохой «Аль Андалус», – Мусульманской Испании, за семь с лишним веков подарившей миру высочайшие достижения научной мысли и духовной культуры, шедевры архитектуры и других видов искусства.

О результатах лингвокультурных экспансий кельтов, финикийцев, вестготов и арабов написано довольно много работ, а вот о последней на полуострове экспансии¹ – цыганской – исследований почти нет. Эта последняя культурная экспансия произошла в самом конце арабской: когда мирно, – не с оружием и боями, а с кибитками и бубнами, с песнями и танцами, – в иберийский мир вторглась тысячелетняя цыганская традиция. Об этой культурной и языковой экспансии, завершившей становление уникальной национально-культурной идентичности испанской нации, и пойдет речь в статье.

Выдающийся испанский философ Х. Ортега-и-Гассет в работе «Теория Андалусии», рассуждая об особой роли Андалусии в историческом развитии страны и Европы в целом, сравнивает культурно-историческую роль Андалусии с ролью Китая. «Каждые триста лет Китай наводняли орды захватчиков из суровых азиатских степей. Яростно обшивались они на страну Ста имен, которая почти совсем или совсем не сопротивлялась. Китайцы давали себя завоевать каждому, кто этого хотел. Их тактика была тактикой перины²: проседать. Яростный завоеватель не обнаруживает сил для поддержки своего порыва и сам погружается в перину – пленительную негу и мягкость китайской жизни. В результате через два или три поколения жестокий манчжур или монгол оказывается поглощен утонченностью старинного приятнейшего китайского образа жизни, бросает меч и сжимает веер»³. О сходстве иберийского мира и Китая, отмеченном Ортегой-и-Гассетом, пишет и известный испанский культуролог Х. Диас-Плаха, указывая, «что утонченные культуры

¹ Строго говоря, последней лингвистической и культурной экспансией в Испании, как и во всей Европе, стала англосаксонская, но надо отметить, что она не принесла каких-либо оригинальных для культуры и языка Испании результатов.

² В оригинале Ортега использует метафору, построенную на слове *colchón* – матрас, тюфяк.

³ Цит. по: *Guillermo Díaz Plaja. Ensayos sobre comunicación cultural. Madrid, 1984. P. 331.*

(имеются в виду культуры, главным образом, средиземного побережья – зоны Леванте. – Ю.О.) позволяют завоевать себя вандалам и ордам захватчиков, будучи уверены в своем превосходстве»¹.

Удивительное смешение рас и культур на Пиренейском полуострове на каждом историческом этапе развития страны никогда не приводило к резкой смене культурной парадигмы: взаимодействуя и взаимообогащаясь, этнокультуры полуострова создавали причудливый рисунок уникальной пограничной цивилизации – мультикультурного иберийского мира.

Без цыганской культурной традиции представить андалузскую культуру сегодня невозможно, она ярко отразилась в особенностях андалузского диалекта испанского языка, однако ее влияние проявилось и в испанском языке других областей Испании. Цыганский язык не только обогатил лексику маргиналов и преступников или андалузского диалекта, но и отразился в стилистических особенностях разговорного испанского языка по обе стороны океана, а искусство испанских цыган – фламенко, впитав в себя арабскую, иудейскую и христианскую традиции, – стало визитной карточкой Испании. Действительно, самым ярким и очевидным для всех итогом этой культурной экспансии, длящейся уже более 500 лет, стал феномен фламенко.

Мировая мода на изучение фламенко как самобытного феномена андалузской культуры привела к изучению трех его главных корней: цыганского, иудейского и мусульманского. При этом фламенко обычно рассматривают отдельно от цыганской культурной традиции в целом, от особенностей мировосприятия и языкового сознания именно этого этноса, сосредоточив внимание на андалузском происхождении этого музыкального жанра. Как известно, «подлинно испанский» стиль, испанский дух почти во всех странах мира ассоциируется со страстными танцовщицами и гитаристами, исполняющими фламенко, однако даже в самой Испании часто забывают о том, что этот жанр был изгоем вплоть до 1920-х гг., когда стараниями выдающегося испанского композитора Мануэля де Фальи и гениального поэта Федерико Гарсиа Лорки это искусство не только было реабилитировано, но и вознесено на уровень высших достижений творческого духа человечества².

А ведь по своей сути фламенко представляет собой особую знаковую систему, культурный код, в котором музыкальная тема, ритм, характер танца и техника горлового пения (канте хондо) – все это подчинено задаче воплощения темы (или реализации мифа) о довлеющем над цыганами роке, о трагическом противостоянии судьбе и смерти. При этом подчеркну, что трагизм

¹ Op. cit. P. 332.

² Я имею в виду не только творчество двух этих великих испанцев: знаменитую «Любовь-колдунью» (Amor brujo) Фальи или циклы стихов и эссе Лорки (Poema del cante jondo), – а роль и последствия организованного ими в 1922 г. конкурса фламенко, после которого началось возрождение искусства фламенко и его восхождение с уровня кафешантанного исполнения (пошлой цыганщины, с которой боролся Лорка) до высокого уровня индивидуального творчества выдающихся гитаристов, танцовщиков и певцов, как правило, цыганского происхождения.

общеиспанского восприятия мира¹ – одна из доминант испанского мировосприятия вообще – во многом обусловлен и культурным кодом цыганского искусства, но не следует забывать, что такую степень трагизма поистине все-ленского масштаба искусство цыган обрело только здесь – за Пиренеями! Только здесь индивидуализм иберов пророс в общем-то повсеместно в коллективном творчестве цыган трагически-страстным песенным и музыкально-танцевальным жанром, суть которого в индивидуальном и всегда трагическом противоборстве высшим силам.

История появления цыган на Пиренейском полуострове окутана флером тайны, предположений и легенд. Большинство исследователей склоняется к тому, что массовое переселение цыган в Испанию произошло не раньше середины XV в., другие настаивают на 1410–1420-х гг., третьи ссылаются на точную, документированную дату пересечения ими испанской границы при короле Альфонсо V – 11 июня 1447 г.² Тогда в Барселону вошло значительное количество представителей племени *egipcianos* (египтян, ср.: *gipsy* – в англ.), или *bohemijs* (богемцев), как тогда называли в Испании цыган, под предводительством одного герцога («*duque*») и одного графа («*conde*»³). Первые этнонимы обозначения этого народа были заимствованы у французов: именно так они называли цыган; ясно, что этноним указывал на их происхождение – Египет или Богемия.

Египетская версия была тогда же подкреплена легендой о том, что это племя, проживая в Египте, не дало приюта странствующей Св. Марии, за что было проклято и обречено на вечное скитание. Богемский след указывает на путь цыганской эмиграции из Германии (Богемии) через Голландию (потому-то позже цыган прозвали *flamencos*, т. е. выходцы из Фландрии) и Францию на побережье Леванте. Впрочем, позже выяснилось, что эти «египтяне» пришли из так называемого Малого Египта – области Византии, – вытесняемые оттуда мусульманским нашествием. Цыгане довольно быстро распространились по Восточному побережью полуострова – от теперешней Каталонии до Андалусии, а часть двинулась в теперешнюю Португалию, и по легенде, дойдя до Геркулесовых столбов – Конца земли, они не захотели покидать сушу⁴. Так, после 30 лет скитаний по Европе (с 1417 г.) цыгане добрались до новой родины, и началась их испанская жизнь. Эмиграция цыган

¹ См. об этой квинтэссенции трагического мироощущения испанцев книгу выдающегося испанского философа и писателя М. де Унамуно «О трагическом чувстве жизни у людей и народов».

² Официальной целью их приезда было поклонения обретенным близ Сантьяго де Компостела мощам Св. Иакова; паломники были причудливо и богато одеты, их сопровождала многочисленная челядь, кони и повозки, однако паломничество затянулось сначала на год, потом его продлили еще на 6 лет, а потом цыган было уже не остановить.

³ Со времен Сервантеса и до сих пор власть в испанских цыганских таборах принадлежит не баронам, как в России, а графам (*conde*).

⁴ Хотя известно, что часть из них все же перебралась в Англию, однако позже многие вернулись в Испанию.

удивительно символична: их путь лежал через всю Евразию, от океана до океана; выходцы с востока Индостана прошли десятки тысяч километров. Минувя Персию, они разделились на два потока – в Византию и Сирию, затем европейский поток¹ опять разделился: один вдоль Каспия двинулся в Россию, а другой – вдоль Черного моря к Валахии, теперешней Румынии, а позже этот поток растекается по всей Европе.

Кочевая жизнь не мешала им в каждой стране существовать автономно в заданных новой культурной традицией обстоятельствах, они охотно принимали господствующую веру: соглашаясь на обрезание у мусульман, крещение – у христиан, – но верили по-настоящему лишь в свои приметы и влияющие на их судьбу добрые и злые силы. Цыганские суеверия и предрассудки носят системный характер, представляя собой «знаки судьбы», которым цыгане безоговорочно верят. В Испании цыгане – страстные католики и такие же страстные приверженцы верований в темные силы, порчу и заговоры; лечатся они только своими снадобьями, пророчат себе и другим судьбу, занимаются ремеслами, связанными с огнем и металлами (они отменные кузнецы и ювелиры), ну и, конечно, коневодством² и выездкой лошадей. К сожалению, цыгане и по сей день пользуются дурной славой мошенников и воров, но и другой заслуженной славой – лучших мастеров исполнения фламенко.

По всей вероятности, верования и культура цыган – это продолжение их культурного опыта, приобретенного в Индии. Большинство исследователей и в России и за рубежом склоняются к версии их происхождения из одной из индийских каст (низших, по-видимому): либо кузнецов, либо музыкантов и танцоров при дворах знати, либо прорицателей. Уже в XIX в. среди главных доводов, подкрепляющих эту версию, было не только сходство генотипа цыган и северо-восточных жителей Индостана, но и некоторые особенности уклада их жизни, рода занятий и навыков, их пищевые пристрастия (острые соусы и рис, обилие фруктов и овощей), а сегодня близость цыганского языка к санскриту и одному из индийских говоров считается доказанной. Версий причин их исхода из Индостана множество, причем даже начало исхода варьируется: с первого десятилетия нашей эры до XV в. Русские цыганологи Е. Друци и А. Геслер считают цыган потомками индийской касты «дом», она по сей день существует в Индии – это полукочевая низшая каста, занимающаяся кузнечным делом, ремеслами, пением и танцами. Исследователи полагают, что миграция цыган началась в X в. через Иран, Афганистан и Армению, причем часть отправилась в Палестину и далее в Египет, а часть в Византию, откуда их массовый исход начался с мусульманским завоеванием в 1417 г.

¹ Документировано их появление в Европе в 1417 г., а в Баварии они были в 1433 г.

² До сих пор цыгане поражают своей способностью лечить больной скот, а также с помощью снадобий или хитрости придавать ему товарные кондиции при продаже: существует масса анекдотов по поводу способности цыган продать больную, старую или хромую лошадь, осла или недоиную корову.

Современный испанский этноним, обозначающий этот этнос – gitano, по-видимому, греческого происхождения (от «Zingano», ср: cigano – в португал. или цыган в русск.). Однако в языке испанских цыган – «кало́» (caló или zincalé) – достаточно много наименований цыган: zincaló, caló, calortó, pindoró и др., а вот цыганское слово gom / gomá, которым называют себя русские цыгане, у испанских означает просто «мужчина или женатый мужчина». До сих пор для обозначения цыган используется и историзм – flamenco, который помимо обозначения выходца из Фландрии, приобрел в XVI в. еще и оценочное значение – «прохвост», «мошенник»¹, которое и по сей день сохранилось в испанском языке.

Появление цыган в Испании поначалу никак не озаботило местные власти, однако уже в 1449 г. в законодательном акте «Pragmática de Medina del Campo» короли Испании, вдохновленные архиепископом Хименесом де Сиснеросом, заявляют следующее: «...вы переезжаете с места на место издавна, уже много лет, не занимаясь ни ремеслом, ни какой другой работой, кроме попрошайничества, бродяжничества и воровства, обманывая, ворожа и гадая, и занимаясь другими нечестными и недолжными делами». И далее предписываются следующие меры борьбы с цыганами, упорно не желающими вести оседлый образ жизни и заниматься сельским хозяйством:

«Цыганам (egipcios) и чужестранным лудильщикам² в течение 60-ти дней после указа предписано осесть на месте и служить там господам, которые будут обеспечивать их всем необходимым, а не бродяжничать по королевству, либо по истечению этих шестидесяти дней покинуть Испанию, а за неисполнение сего они на первый раз наказываются сотней розог и пожизненным изгнанием, если же будут пойманы во второй раз – обрезанием ушей и тюремным заключением в кандалах сроком на 60 дней с последующим выдворением»³.

Эти документы приводит профессор Мария Хосе Льоренс в первом в Испании кратком «Цыганском словаре» (1991), дополненном социо- и этнокультурными комментариями и образчиками цыганского фольклора. Во введении она же цитирует и более жесткие «Прагматики» (королевские указы) короля Карла V, созданные в 1528 и 1534 гг. – во времена абсолютизации королевской власти в Испании. На основании этих документов нарушение закона в третий раз каралось пожизненным заключением, а в 1537 г. наказание цыган за бродяжничество и отсутствие работы (или службы у господина) каралось 6 годами королевских галер и последующим изгнанием. В 1611 г. король Филипп II приказал цыганам заниматься только земледелием, запретив

¹ Именно так воспринимали испанцы в XVI в. наводнивших их страну вороватых управленцев из Фландрии.

² С первых лет пребывания в Испании и по сей день цыгане занимаются лужением кастрюль и сковородок и другими жестяными работами.

³ Эти примечательные документы цит. по кн.: *Льоренс М.Х.* Diccionario gitano. Madrid, 1991. P. 55–56.

им продажу чего бы то ни было, а при перепродаже на ярмарках и в городах следовало проверять принадлежность продаваемой упряжи и других товаров продавцу-цыгану, в противном случае изымать товары и заключать вора в тюрьму. Век спустя, в 1717 г., Филипп V дал месяц на регистрацию всех цыган и принадлежащего им скота и оружия, предписав им проживание в 41 городе Испании. Помимо черты оседлости, им предписывалось не иметь лошадей (только ослов и мулов) и никакого огнестрельного оружия, за нарушение – 8 лет галер для мужчин, розги и изгнание – для женщин, а также не заниматься работой по металлу и торговлей (наказание за это – 6 лет галер или 200 розог для женщин).

И только при просвещенном монархе Карле III статус расы-изгоя существенно меняется: в «Прагматике» от 19 сентября 1783 г. цыгане не называются проклятыми и им разрешен любой род занятий, под запретом остается лишь использование цыганского языка и ношение цыганской одежды. Если же они продолжают бродяжничать в своей одежде, даже под предлогом поездки на ярмарку или рынок, местным властям предписывалось клеймить им спины каленым железом, а в случае повторного нарушения закона – карать смертной казнью (эти наказания не касались лиц, не достигших 16 лет).

Что касается запрещения цыганского языка – это требование представляется вполне понятным и обоснованным: мало ли о чем договорятся цыгане на непонятном языке, да и принцип «одна страна – один язык» в то время способствовал укреплению централизованного национального государства. А вот смысл запрета на одежду становится понятен из воспоминаний иностранных путешественников: и французы, и русские восхищенно описывают роскошные формы цыганок, не скрываемые расстегнутыми блузами, лишь подчеркнутые шнурованными корсажами и короткими, подхваченными у пояса подолами юбок, а у старых цыганок юбки были столь широки, что под ними можно было скрыть как украденное, так и оружие, для этой же цели служили короткие шаровары («bombachos») у мужчин. Помимо яркости цвета одежды, огромного количества лент и украшений у женщин, в прошлые века их наряды отличало пристрастие цыганских мужчин к галунам, пышной отделке тесьмой и неисчислимым пуговицам и пуговкам, которые пришивались и на куртку, и на брюки, и на краги или лосины – и, конечно, обязательно низкая шляпа с полями. Кстати, многие эти элементы сохранились и сейчас в народном костюме андалузца-шеголя, делая неповторимым облик типичного *señorito andaluz*.

Итак, уклад цыганской жизни в Испании можно считать устоявшимся к концу XVIII – началу XIX в. Преимущественная зона расселения цыган – Андалусия и восточное побережье Испании от Каталонии до Мурсии. Как правило, жили они в лачугах на окраинах, только в Гранаде заселили пригород Сакро Монте (знаменитые пещеры, в которых раньше были кузницы, превращенные сейчас в туристические объекты), а в Севилье значительная

их часть проживала в районе Триана. Мужчины в основном занимались кузнечным и ювелирным делом, коневодством и выездкой лошадей, женщины – плетением из соломы, торговлей и ворожкой, ну и, конечно, многие пробавляются воровством. Искусство тогда не было родом деятельности: пение и танцы – всего лишь отдых от работы, способ выражения радости в праздники и скорби на похоронах. Собственно фламенко зарождается как танец семейный: после работы в кузнице мужчины, а чаще их жены, танцевали под ритм, отбиваемый каблуками или обрубками тростника (имитируя стук молотов), а чаще отбивали ритм танца руками по столу или хлопками ладоней; никаких гитар в большинстве цыганских семей не было.

Любимым инструментом цыган гитара стала, конечно, в Испании, а уж потом разошлась по миру. По преданию гитара (от греч. *cithara*, от шумеро-вавилонск. киннора) была завезена в Испанию из Рима уже во II в. н. э. (первое ее изображение нашли на барельефе в Мериде), с X в. подобных изображений стало довольно много, а вот в XIII в. на прекрасных миниатюрах к знаменитым «Кантикам Святой Марии» короля Альфонса X Мудрого их уже множество¹. Средневековые певцы (хуглары) сопровождают свое пение гитарным аккомпанементом, гитара становится популярным инструментом при дворах знати, а вот народным инструментом она стала гораздо позже как раз благодаря цыганам.

В XV в. испанская гитара стала пятиструнной, в XVIII в. – шестиструнной, а современный вид она обрела в XX в. в руках испанского мастера Антонио Торреса. Кстати, в цыганском языке гитара называется не *guitarra*, а *sonanta*.

В XIX в. вся Европа покорена испанскими цыганами, вдохновившими французов П. Мериме и Бизе на создание бессмертных шедевров о цыганке Кармен. Ее образ, пение и танец цыган стали восприниматься как воплощение безудержной страсти, вольнолюбия, не терпящего ограничений и законов. Цыгане же вкладывали в свой танец и пение иной смысл.

Чтобы понять это, нам не обойтись без обращения к теме фламенко – искусству цыган Андалусии. Тема эта заслуживает специального исследования, однако несколько кратких замечаний сделать необходимо. Это искусство возникло как результат сплава нескольких этнических элементов и культурных традиций и с самого начала – как протестная культура преследуемых и притесняемых народов. Вот какие источники фламенко выделяет известный испанский фламенколог Риккардо Молина: «Панорама музыкальной анархии и различных течений: восточные напевы, семитские и византийские

¹ Причем они представлены двумя типами гитар, ставших родителями современной испанской гитары: это гитары латинские – сложной формы, сужающиеся кверху, похожие на современные, а играли на них пальцами, и гитары мавританские или арабские – овальные, на которых играли с помощью плектра (медиатора). Звук у гитары латинской – более мягкий и мелодичный, а у арабской – пронзительно резкий, о чем пишет Хуан Руис в художественном шедевре XIV в. «Книге благой любви».

литургии, призывы муэдзинов, обработанные песни от Зирйаба, индийские и персидские мелодии, иракские песни от Арифа из Багдада и Омара из Басры – все это активно сосуществовало во взаимном и непрерывном взаимодействии. До XV в. арабо-андалузская музыкальная культура, которая содержала указанное созвездие течений, господствовала на юге Иберийского полуострова»¹.

В Андалусии фламенко долгое время оставалось тайным (герметичным) искусством, его традиции сохраняли в цыганских семьях, и местом исполнения первых песен и танцев фламенко были кузницы, где после работы под такт кузнечных молотов пели и танцевали эти исполненные драматизма и тоски мелодии. Живописные наряды современных танцовщиц фламенко – платья с длинными шлейфами и оборками – тоже родом из кузниц, где хозяйки подбирали у пояса свои фартуки и юбки, чтобы было удобнее танцевать, отсюда и «домашнее» название этого роскошного наряда – *bata*, халат (в виде фартука).

Страдание, боль, редко радость, чаще темная тоска – все есть в этих песнях, а танец – это всегда воплощенное драматическое противоборство с судьбой и смертью. Магия звуков и жестов для испанца неотделима от понятия *duende* – дуэнде, таинственной силы, которая вдохновляет и раскрывает душу исполнителя и произведения. Ф. Гарсиа Лорка в своем докладе «Теория и игра дуэнде», прочитанной в Гаване в 1930 г., сказал о ней: «Эти мрачные звуки – тайна, корни, вросшие в топь, про которую мы все знаем, о которой мы ничего не ведаем, но из которой приходит к нам главное в искусстве... Так вот, дуэнде – это мощь, а не труд, борьба – а не мысль. Помню, один старый мастер гитарист говорил: “Дуэнде не в горле, он поднимается изнутри, от самых подошв”»².

С наибольшей силой магия дуэнде проявляется в канте хондо – глубинном, горловом пении, которое Лорка называл древним андалузским пением. В своей лекции «Канте хондо» (1922) он попытался раскрыть коренные отличия природы фламенко и канте хондо: «Сущность отличия канте хондо от канте фламенко состоит в том, что канте хондо восходит к древнейшим музыкальным системам Индии, первообразцам пения, а фламенко, его позднее эхо, определено и окончательно сложилось в восемнадцатом веке.

¹ Цит. по: *Эль Монте Анди*. Тайны забытых легенд. Тула, 2003. С. 28. Эта замечательная книга об истории фламенко содержит много фактов, фотографий и воспоминаний самых известных исполнителей фламенко. Необходимо заметить, что упомянутый автором книги Зирйаб (черная птица) – это прозвище Абу аль Хасан Али (789–857), известного багдадского музыканта и поэта, которому выдающийся исторический деятель – эмир Кордовы Абд ар Рахман II – поручил распространять персидскую музыку в его мусульманских владениях в Андалусии.

² *García Lorca F. Prosa. Poesía. Teatro*. Moscú, 1979. P. 48.

Канте хондо – таинственный отсвет первовремен, канте фламенко – искусство почти современное и сильно уступающее по глубине чувства. Духовный колорит и местный колорит – вот в чем их коренное отличие»¹.

Язык танца и жеста, темная магия горлового пения чрезвычайно важны для понимания того, как сформировалась картина мира цыган, их национального сознания. Но существует и язык повседневного общения цыган, также обладающий ярко выраженной спецификой. Цыганский язык с XVI в. остается языком семейного общения, активно пополняет жаргоны маргиналов и преступников; запрещенный властями, он становится герметичным, языковым кодом для посвященных.

Подчеркну, что сегодняшние испанские цыгане – по-прежнему билингвы, хотя испанские исследователи настаивают на том, что на языке калó в чистом виде сегодня не говорит ни один цыган, и речь может идти скорее об использовании лексических и морфо-грамматических элементов цыганского языка, укоренившихся в среде андалузского диалекта испанского языка и многочисленных испанских жаргонов. Лексика калó и некоторые словообразовательные форманты, действительно, богато представлены в испанской разговорно-фамильярной речи, но особенно ярко в воровских и молодежных жаргонах, начиная с древнейших *jetmanías* и заканчивая молодежными *pasota* и *cheli*.

Более пятисот лет цыганский язык, преследуемый и запрещаемый властями, развивается во взаимодействии и под ощутимым влиянием испанского (кастильского) языка. Влияние испанского проявляется не только на лексическом уровне, но и на морфо-грамматическом: из кастильского языка были заимствованы цыганским продуктивные суффиксы и словообразовательные модели; спряжение глаголов в цыганском калó схоже с испанским (отмечу, что все глаголы заканчиваются на -аг, т. е. относятся к 1 спряжению). Даже фонологический и фонетический уровни калó обнаруживают черты сходства с испанскими².

Рассмотрим, например, как в калó работают испанские продуктивные модели словообразования от существительного: заимствованное из испанского слово «alta» (с измененным значением: у цыган испанское прилагательное «высокий» стало означать «башню» или «высокое окно») по испанской модели формирует производное «altana» (храм) и глагол «altanar» (женить, венчать), а далее, в соответствии с испанскими нормами, образуются причастия «altanaá / altanaó» (замужняя / женатый), произношение и написание которых отражает фонетические особенности андалузского диалекта – выпадение интервокального [d].

¹ Гарсиа Лорка Ф. Избр. произведения. Т. 1. М., 1986. С. 374.

² Исследование черт сходства языка цыган с испанским или другими языками (включая многочисленные лексические заимствования), а также этимологии цыганских слов не входило в задачи данной публикации и должно содержание специального исследования, однако нам показалось целесообразным продемонстрировать некоторые характерные словообразовательные модели, свидетельствующие о тесном взаимодействии языка цыган с кастильским.

Сложное слово «раñисарí» (водка) образовано путем словосложения цыганских основ по испанской модели: «раñí» – вода и «сарé» – пылающая. Ср. с испанским «aguardiente»: agua + ardiente.

Интересным случаем использования не только словообразовательной модели, но и заимствованного иноязычного форманта -moto является цыганское слово jolilimotó от цыганского слова jolili (земля) по модели испанского terremoto – землетрясение¹.

Довольно большая группа сложных слов построена по индоевропейской модели со словом «половина»; в калó – это основа «pas» (стяжение от «раque»). Например: от «muló» (мертвый) – «pasmuló» (полумертвый), также образованы «полночь» – pasrachí, «полуостров» – pasbeschí. Интересно, что эта модель используется и для номинации «мачехи», полу-матери – pasdaí (от daí- – мать), в отличие, например, от испанской модели madrastra с прибавлением суффикса -astro/a, со значением «ненастоящий».

Имя, обозначающее деятеля, как правило, образуется с помощью суффикса / флексии -ó: «libanó» (писарь) от глагола «libanar» (писать), при этом любопытно, что производное слово «liniarista» (изготовитель ликера) от «liniarí»(ликер) образовано по продуктивной испанской модели с суффиксом -ista.

Употребительный путь создания отрицательных форм в цыганском – префикс in-: «muleta» – мертвый и «inmuleta» – бессмертный.

Приведу пример адаптации испанской лексемы путем метафорического переосмысления: слово «árbol» (дерево) в цыганском языке приобрело значение «тело». Отмечу, что этим же путем пошли испанские молодежные жаргоны: слово «tronco» (ствол) обозначает в жаргонах пасота (pasota) и чели (cheli) и «тело», и «человек», а его усеченная форма «tron» соответствует русскому жаргонному «чел».

Любопытные случаи адаптации испанских слов с помощью продуктивных цыганских суффиксов часто похожи на детскую игру (или воровской жаргон), в результате которой создается свой код или тайный язык, криминальный жаргон. Например, образованные от «saludar» (здороваться, приветствовать) глаголы «saludisar» и «saludisarar» или глагол «andivelar» от «andar» (ходить, бродить). Характерны и частотны случаи, подобные созданию местоимения «асоí» вместо «aquí, acá», а также трансформация лексемы с использованием метатезы: «grito» (крик) вместо «trigo» (пшеница) или каламбурного перевертыша типа «trensa» (коса) вместо «prensa» (пресса).

Испанские исследователи утверждают, что языком цыган сегодня не владеет никто, что он «растворился» в андалузском диалекте (хотя точнее было бы сказать, что этот диалект использует язык цыган) и что сегодня можно говорить об искусственно реконструируемом на основе цыганской лексики цыганском эсперанто, непонятном даже цыганам других стран. Однако, учиты-

¹ Любопытно, как и когда появилось в цыганском заимствование из русского *isba*, означающее у цыган «спальню», или «альков».

вая современные тенденции к национальной самоидентификации этносов Испании, я думаю, что цыганский калó в будущем не растворится в жаргонах, андалузском диалекте или литературном испанском языке. Ведь язык – это не просто легко сменяемая надстройка, а неотъемлемая часть сознания социума, воплощающая его представления о мире, опосредованные и данные нам в языковой форме.

Выдающийся испанский философ Мигель де Унамуно, баск, писавший по-испански, в работе «О трагическом чувстве жизни у людей и народов» отметил, что «всякий культурный язык имплицитно несет в себе некую философию. Действительно, язык – это потенциальная философия»¹. И далее: «Каждый из нас мыслит, исходя – сознательно или бессознательно, вольно или невольно – из того, что мыслили другие люди, те, что жили до него. И те, что его окружают... Мышление покоится на предрассудках, а предрассудки содержатся в языке». А далее Унамуно повторяет вслед за О.В. Холмсом вывод о том, что «раса, кровь духа – это язык»².

Особенности мышления испанских цыган, их предрассудки достаточно ярко проявились в их языке – крови их национального духа.

Итак, начнем с базового ряда понятий и рассмотрим, как именуются цыганские боги. Справедливый высший Бог «Debel» и его варианты Ondebel / Ostedel происходят от санскритского слова, есть у этого бога и мать, тоже богиня – «Debla». В отличие от «своего», христианский Бог называется цыганами Teblequeró / Terebideró / Vatimují. Формант Те, указывая на божественное происхождение, сохраняется в номинациях и Христа и Девы Марии, соответственно Tebleque и Tematea, он используется и в других обозначениях христианских священнослужителей: telaré (аббат) и telloré (священник). В цыганской номинации христианского Бога – Teblequeró – чрезвычайно интересен формант (суффикс) -гó, обозначающий деятеля (ср. brequenegó – защитник, bendogó – лодочник, bizaugó – должник). Таким образом, в цыганском обозначении христианского Бога заложено значение «сотворивший Христа» – Tebleque по-цыгански.

Практически все слова, называющие в калó темные силы зла, однокоренные, и этот единый корень также санскритского происхождения «beng» – одно из имен нечистого. Этот корень находим во всех лексемах, называющих дьявола: bengorré / bengorró / benguí и сил (духов) зла – bengués chirés, а также дракона (змея) – bengué и василиска – bengojí. В уже упомянутой мною работе М. Льюренс, ссылаясь на другого исследователя – Миклошича, пишет о том, что корень этот происходит от санскритского «bhēsa» – «лягушка», а символика образа, по его предположению, связана с мифом о змее.

Однако этот корень мы видим и в глаголе benguebar (обжигать, опалить); таким образом, основной и объединяющей семьей в этих обозначениях яв-

¹ Унамуно Мигель де. О трагическом чувстве жизни у людей и народов. М., 1996. С. 284.

² Там же. С. 285.

ляется сема «пламени, жара и огня». Отмечу, что среди неевропейских цыган есть огнепоклонники, да и у испанских цыган отношение к огню исполнено мистики. Ведь совсем не случайно один из основных видов их деятельности – кузнечное дело – также связан с огнем.

Чтобы убедиться в этом, рассмотрим большую группу производных от основы *jach* – «железо, сталь, чугун». Слово *jacharero* означает «кузнец», однако значительно большее количество производных от *jach* лексем связано с семами «жара», «огня» и «страсти»¹: «*jacha*» – жар, «*jachar*» – ошпаривать, накалять докрасна, «*jacharar*» – обжигать, жечь, «*jacharao*» – горящий, обгоревший и... влюбленный, «*jacharé*» – горение, зной, жжение и... страдания заключенного, «*jacharó*» – согрев, специальная лексема «*jacharí*» обозначает страстную пылкую женщину, и, наконец, слово «*jachirén*» – шумное веселье, гулянку. В этих словах заключено так много сути цыганской жизни, что совсем не удивительно еще одна ассоциация (непривычная для нас), которая реализована в значении слова «*jachivar / jachiver*» – рассвет, который у цыган ассоциативно связан с теплом восходящего солнца. Слово-концепт *jach*, без сомнения, один из важнейших концептов цыганской культуры.

Как тут не вспомнить кульминацию балета «Любовь-колдунья» («*Amor brujo*») Мануэля де Фальи – знаменитый и так часто исполняемый «Танец огня». Загораживающая, мистическая, обладающая магической силой музыка. А в исполнении труппы выдающегося танцора фламенко² Антонио Гаде-са этот танец в одноименном фильме-балете Карлоса Сауры похож на ритуальный танец, где каждое движение, каждый жест исполнен мистического смысла и обжигающей страсти.

Закрытый, тайный, цыганский мир обладает своей топонимией и антропонимиком – сводом имен; кстати, сегодня цыганские имена входят в моду не только в Андалусии. Цыганские имена, действительно, необыкновенно звучны и необычны, хотя в словарях калó часто цыганское имя представлено как аналог испанского. Это не вызывает сомнений в тех случаях, когда речь идет об имени, образованном по аналогии с общероманским, например: *Ñuntivé* (исп. *Julio*), по-цыгански слово так же, обозначает месяц июль, или *Manfariel* (исп. *Ángel*) употребляется и как нарицательное – «ангел»; или именах, ассимилирующих испанские имена вроде *Bachano* (исп. *Sebastián*) или *Inoscá* (исп. *Ignacio*). Однако еще предстоит доказать справедливость суждения об аналогичности имен *Simprofíe* – исп. *José*, *Gerinel* – исп. *Miguel*, *Adonay* – исп. *Manuel*, *Quidico* – исп. *Casimiro*, *Atronense* – исп. *Antonio*. Интересно, что уменьшительные имена в цыганском языке также могут иметь

¹ В отличие от русского и общеевропейского ассоциативного ряда: железная воля, твердый как сталь / железо, – европейская железная леди отличается негибкой волей и сильным характером, а отнюдь не горячей страстью «раскаленной цыганки».

² В Испании таких исполнителей традиционно называют *bailaor*, от исп. *bailador* – танцор; отмечу, что цыгане называют испанским словом вора, с этим значением литературное испанское слово перекочевало в жаргоны.

другую основу. Например, Jardany (Juan по-испански) и Barsalí – (Juanito). Среди женских имен больше тех, что происходят от имен нарицательных, например: Ciba – Чудо, Golipén – Здоровье, Osán – Солнце.

Названия испанских и европейских городов на калó – тоже код, недоступный непосвященным. Рассмотрев названия некоторых испанских городов, можно убедиться в том, что часть из них в калó представляет более поздние топонимы-дублиеты. Например: Adalí и Madrilatí – Мадрид; или Bajarí и Varnojina – Барселона; Chante и Chaute – Сеута; существуют даже три названия Севильи – Serna, Uliya и Safocoro. На фоне этих достаточно древних названий близость топонима Llundun к оригинальному английскому названию Лондона, по-видимому, свидетельствует об относительной «молодости» цыганского топонима.

Андалусия называется у цыган Pinacenda, а название Кастилии довольно близко к испанскому – Castumba; что касается Испании, то наиболее распространенный топоним для обозначения страны – Sesé, соответственно, испанец называется sersén, seyogé или jenjen. Можно предположить, что это звукоподражательные названия страны и ее жителей, говорящих с поразившими цыган шипящими «s» и гортанной «j», но в специальной литературе я пока таких заключений не встречала.

Интересна, на мой взгляд, группа слов, производных от топонима Bordagia – Иудея; понятно, что слова bordajú/í обозначают иудея обоих полов, однако словом bordaja цыгане называют и мавра, а bordelé/í – христианка или христианку вообще.

Цыганский язык неотделим от манеры речевого поведения его носителей и того, что для любого испанца куда важнее слова – жеста. Гордая поступь, картинные позы, исполненные врожденного изящества жесты, грация и темперамент свойственны и мужчинам и женщинам, как в обычном поведении, так и в танце, где язык жеста доведен до совершенства. А острословие¹, доверительность и желание показать свою близость и расположенность к собеседнику, а в случае необходимости завоевать его доверие и получить из этого определенную выгоду для себя – черта умелых торговцев, гадалок, ну и, конечно, мошенников.

Займствования из калó, по мнению испанских и зарубежных лингвистов, составляют от 20% до 85% испанских молодежных и воровских жаргонов, кроме того в словарях – как толковых испанских, так и двуязычных – большое количество подобных займствований сопровождается пометами «андалусизм». Однако многочисленные займствования из цыганского языка принесли в разговорный кастильский помимо просторечий, жаргонизмов и вульгаризмов, что чаще всего отмечают лингвисты, нечто, как мне кажется, куда более важное – иную тональность, ту самую доверительность, интим-

¹ Даже одно из значений слова gitano – цыган в современном испанском языке – «острослов, шутник».

ность и *домашность*, а также остроту, *garbo* (особое изящество стиля и яркость), которые так ценят испанцы в андалузцах. Суровость и сдержанность испанского (кастильского) языка, качества, которые испанские филологи традиционно считают доминирующими, даже в ораторской речи сегодня дополняются присущими андалузскому диалекту лингвистическими особенностями (во многом обусловленными цыганским влиянием). Андалусизмы (цыганизмы) используются СМИ для «оживления» речи, сокращения дистанции между говорящим и слушающими, достижения столь важной для успешной коммуникации доверительности.

В самом деле, нельзя представить разговорный испанский, в том числе и семейный, для «внутреннего» пользования, без уютного слова *calcos* (обувь, чувяки), доверительного *chaval/a* (парень, деваха), выразительных *chalado / chalaó* (чокнутый, сбрендивший), *chola* (башка), *chiringai/to* (апельсинка), *chera* (горб), или употребляемого даже академиками слова *pelma* (зануда). От испанских студентов я слышала слово *chiscón* (забегаловка – о скверной столовой); не уверена, впрочем, знают ли они о том, что произошло оно от цыганского глагола *chiscar* (плевать), значение которого очень точно характеризует качество предлагаемой заведением еды (вроде нашей «тошниловки»). Большинство испанцев даже не подозревают, что они ежедневно используют и слышат столько цыганизмов, а не жаргонных, по мнению пуристов, слов.

Так и в Андалусии и в Арагоне употребляют как свое исконное цыганское слово *lacha* (стыд, срам, нахальство), а в мужском роде это слово *lacho* «пересекло» океан, обозначая сегодня в Перу и Чили «любовника» и «пижона», тогда как цыганское *lachó* значило просто «добрый и пригожий». А как жителю Мадрида обойтись без цыганской интерпретации *fogo* как столицы, ведь выражение *ser del fogo* – «быть столичным жителем» – употребляется абсолютным большинством мадридцев. Цыганское слово *sandunga* в испанском языке реализовало оба свои значения: в иберийском варианте – для обозначения привлекательности и пикантности, а в латиноамериканских вариантах испанского языка, как и в цыганском, оно значит «шумное веселье», «празднество»¹. Может быть, составителям наших словарей пора наконец сопроводить подобные слова пометой цыг. (цыганизм), а не просто *арго*, или, в лучшем случае, *андалусизм*.

Действительно, цыганский языковой и общекультурный адстрат лег на богатейший субстрат испанской культурной почвы, что привело не только к дальнейшему развитию андалузского диалекта и завершению формирования того, что теперь принято называть культурной специфичностью этого региона. Цыганская традиция проросла в иберийской цивилизационной модели

¹ Слово «проросло» в национальных вариантах дериватами: прилагательным – *sandunguero* – прелестный, привлекательный (в пиренейском испанском) и любящий повеселиться (в Латинской Америке) и глаголом *sandunguear* – веселиться, праздновать – в нескольких латиноамериканских вариантах испанского.

особым взглядом на мир, а иберийская мифологема дополнилась новой мифологией.

Андалусия благодаря цыганам превратилась в сознании иностранцев в легендарную область, подобную древней Тартессии, где под знойным небом среди апельсиновых рощ смуглые красавицы и красавцы под страстные переливы гитары непрерывно поют, танцуют, шутят и веселятся. Мир фиесты, которая всегда с тобой или где-то там, без тебя, – эта мифологема Испании стала возможна и была в своем окончательном виде создана европейцами только после завершения цыганской экспансии. А фламенко сегодня стало почти религией, ее адептов и в Испании и по всему миру привлекают чудо импровизации, в которой жизнь, любовь и смерть ранят звуками и жестами; драматический накал страсти, самоотдача до исступления, спонтанность и подлинность чувств – словом, все то, что почти невообразимо в наш прагматичный и технократический век.

Сведения об авторе:

Юлия Леонардовна Оболенская,
докт. филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Julia L. Obolensky,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University